

The image features two detailed, grayscale illustrations of modern tanks, one on the left and one on the right. They are positioned symmetrically, flanking a central text element. The tanks are shown from a side profile, facing outwards. The text is rendered in a bold, blocky, sans-serif font with a 3D effect, appearing to be slightly raised from the surface. The overall composition is centered and balanced.

**ВОЕННАЯ
ФАНТАСТИКА**

**АЛЕКСАНДР
ЗОРИЧ**

**СТАЛЬНЫЕ
ГРОЗЫ**

**МОСКВА
2016**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-86

Разработка серийного оформления
Владиславы Матвеевой

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Алексея Дурасова*

Зорич, Александр.

3-86 Стальные грозы / Александр Зорич. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Военная фантастика Александра Зорича).

ISBN 978-5-699-92098-3

Война с Конкордией только что отгремела, и в Галактике воцарился мир. Но надолго ли?

12-й гвардейский танковый полк, в котором командует ротой гвардии капитан Константин Растов, внезапно поднят по тревоге. Задача — высадиться на угрюмом планетоиде и вместе с военно-космическими силами атаковать базу конкордианских мятежных звездолетов, которые отказались капитулировать вместе с остальным флотом. Танки Т-14 рассчитаны на бой в условиях безатмосферных планет, но еще никто не водил их в бой против звездолетов!

Выдержит ли техника? А главное — выдержат ли люди?

Но главные вопросы придут потом, когда выяснится, что враг прятал на планетоиде нечто очень важное, а к ключевым планетам землян протянули свои клешни инопланетные захватчики...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92098-3

© Зорич А., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

КОНТУЖЕННЫЙ-ЗАСЛУЖЕННЫЙ

Август, 2622 г.

Кубинка

Планета Земля, Солнечная система

Офицер службы психологической помощи, а по совместительству доктор психиатрии с ароматной фамилией Кваснов огладил ухоженную русую бородку, водрузил на переносицу очки и, поглядев на майора Растова с мягко остывающим интересом, попросил:

— Константин Александрович, пожалуйста, сосредоточьтесь. И расскажите, что именно произошло вчера утром на Каштановой аллее.

— Я уже написал в протоколе задержания, — холодно ответил Растов.

— В протоколе — это в протоколе. Мне нужно услышать живой рассказ. Поглядеть, как вы жестикулируете. Увидеть выражение ваших глаз. Мне ведь поручено вынести решение.

— Решение?

— Насчет того, не рано ли вас... так сказать, вернули в строй. Может, следовало бы еще некоторое вре-

мя... подлечиться? Отдохнуть? Я бы порекомендовал санаторно-курортное лечение. На Ардвисуре.

Кваснов — сама корректность. Растов похож на школьника, пойманного на списывании.

— Зачем «подлечиться»? Я фактически здоров, результаты анализов в норме, ничего не болит... И хотя физические показатели у меня пока восстановились не полностью, я работаю над этим каждый день. В том числе по утрам, на Каштановой аллее. Я там бегаю. Десять кэмэ.

— Бегаю — это не совсем то. Тут, мне кажется, нужна психологическая разгрузка... Коррекция...

На лбу Кваснова выступила незапланированная капля пота. И даже не особенно наблюдательный Растов понял: добрый доктор не знает, как именно лучше действовать, чтобы получилась идеальная консультация. И, поди, уже жалеет, что взял «сына самого Председателя».

— Ладно, я повторю... Итак, вчера, во время утренней пробежки, километре эдак на третьем, при входе на Каштановую аллею Центрального парка имени Чехова, меня едва не сбил мобиль «УАЗ», модель «Кунашир», расцветка «хамелеон». Он остановился в миллиметре от меня. Именно в миллиметре. О чем, я так думаю, имеется запись какой-нибудь из камер наблюдения... Это тем более возмутительно, что я находился на пешеходном переходе, оснащенном световыми ограничителями... А значит, мне должны уступать дорогу!

Кваснов радостно закивал, жестами побуждая Растова говорить.

— Да! А потом?

— Я подошел к водителю, который даже из кабины выйти не соизволил... Вытащил его, значит, из водительской двери... И три-четыре раза ударил его... Слегка.

— В какие места?

— Два раза под дых. И два раза в челюсть. Кажется, так. — По контрасту с событием, о котором шел рассказ, Растов выглядел очень рассудительно.

— Константин Александрович... Хм... Вы били водителя потому, что он проявил невнимательность по отношению к вам лично? Так?

— Нет, потому что за день до инцидента я уже видел этот траханый «Кунашир» на том же переходе. Тогда он едва не сшиб двух студенток, толстопопиков таких румяных. Те, как и я, бегали. Фигуры себе набегать пытались... Студентки его, конечно, не отделали, силенки не те... Но по матери послали знатно, я слышал!

Брови доктора Кваснова удивленно взлетели на лоб.

— Константин Александрович, а почему вы вчера милиции не рассказали про студенток?

— А потому что меня никто не спрашивал! — ответил Растов с вызовом. — Я человек военный. Привык говорить только на те темы, о которых спрашивают!

— То есть вы решили самостоятельно наказать водителя, который небрежно относился к правилам дорожного движения, так? — подсказал доктор Кваснов и занес руку над бланком.

— При чем тут «небрежно относился»?! — начал помаленьку закипать Растов. — За день до того этот

тип едва не сбил двух девчонок, будущих матерей. А на следующий день — меня. Это не назовешь «небрежностью»! Так ведут себя только чудачки на букву «м» и потомственные передасты.

— Подождите, не кипятитесь, — примирительно заулыбался Кваснов. — Я просто...

— Слушайте, доктор, зачем вы все это у меня так подробно выспрашиваете, а? Не из любопытства же, правда? — Растов подался вперед всем телом и проткнул психолога взглядом, как энтомолог букашку.

Кваснов испуганно отодвинулся к стене вместе с креслом — столько напора было в растовской мимике и жестах! — и быстро заговорил:

— Мне сообщили, я должен вас аттестовать. Выставить вам оценку за психическую вменяемость. И еще одну оценку — за уровень агрессивности. Третью оценку — за адекватность... социальную. Также я должен написать вот на этом бланке, — Кваснов потряс в воздухе разлинованным листом пластика, — есть ли, по моему мнению, у вас послестрессовый синдром и насколько он выражен...

— Короче, вы думаете, а вдруг этот майор, как вчерашний фронтовик, сейчас на мирных людей бросаться начнет? Может, он контуженый?!

— Примерно так.

Некоторое время оба сидели молча — Кваснов скрестив руки на животе, Растов — уставившись в пол.

Первым нарушил тишину Растов:

— Послушайте, доктор... А вы бы что, не стали бить того водителя?

— Ну... — Кваснов огладил свою чудо-бородку и отвел взгляд.

— Не стали бы, даже несмотря на то что точно знаете: цвет «хамелеон» еще до войны запрещен? И невзирая на известную каждому школьнику истину, что на пешеходных переходах надо останавливаться? И из машины выходить, если человека едва не сбил? Что надо хотя бы извиниться перед ним, нет? — Растов весь лучился сарказмом.

— Видите ли, я, скорее всего, записал бы номер этого негодяя и настучал бы на него в милицию! Это соответствует типу моей личности.

— Ага! Настучали бы! И милиция прислала бы ему штраф! И он бы этот штраф оплатил, даже не заметив! Среди счетов за отбеливание ануса и стрижку ногтей своей чихухауа! И продолжил бы ездить дальше в той же хамской манере! Потому что с чувством собственной важности у гражданина все в порядке! И с деньгами тоже, если у него на «Кунашир» хватило! Вот вам, доктор, на «Кунашир» хватает? Говоря откровенно?

— Мне — нет... Но меня же и по визору с утра до ночи не крутят, как Куллэ.

— Его фамилия Куллэ? — оживился Растов. — И его крутят по визору?

— А вы разве не знали? Он певец! Бриллиантовый голос России! Кумир всех школьниц от Минска до Находки! «Чмокаю, чмокаю щеки твои, щеки твои», — противным козлетоном напел Кваснов. — И вот это: «Я хочу с тебя снять, с тебя снять твоё платье-платье цвета мухомо-о-ра...»

Растов поглядел на доктора испуганно. «Мухомо-о-ра?»

— Вы это, не подумайте чего... У меня просто дочке четырнадцать лет. Я волей-неволей вникаю... Из-за двери по утрам доносится, — объяснил Кваснов и развернул на Радова фотографию довольной жизнью нимфетки в переливающейся рамке, что служила единственным украшением его белого как снег письменного стола.

— То-то я думаю, чего он так на педика похож, этот ваш Куллэ. Шевелюра эта серебристая, кольцо над глазом... И в милицию сразу трезвонить начал, права качать... Уверен был, гаденыш, что кто-то за него обязательно заступится... «Проявит понимание».

— Откуда Куллэ было знать, что его поколотил сын Председателя Радова? — со спокойной ехидцей заметил доктор.

И снова в комнате воцарилась тишина, плотная, как рождественский холодец.

И снова Радов был первым, кто ее нарушил.

— Послушайте, доктор... А можно, я... пойду? — с мольбой сказал майор. — У нас из роты три танка списали в заводской капремонт... Еще один на Навзаре в безвозврат ушел... В итоге, чтобы восстановиться до полной численности, мы должны принять и обкатать четыре новые машины. Этим, конечно, заведует зампотех батальона товарищ Пыж. Но я все равно должен присутствовать!

Кваснов поглядел на Радова с облегчением.

— Ну, ежели надо, то идите... Но это... вы должны отдавать себе отчет, что я вынужден назначить вам еще одну встречу в этом же самом кабинете!

— Да хоть две! — Растов обрадованно вскочил. — Буду теперь коллегам представляться «контуженый-заслуженный»!

— А вот если я назначу вам две встречи в этом кабинете, Константин Александрович, это будет означать, что я признал вас «условно вменяемым». И что я начинаю курс реабилитационной терапии, — угрюмо прибавил Кваснов.

А когда Растов взялся за ручку входной двери, заметил еще более угрюмо:

— И вот еще что... Я бы, наверное, тоже этого Куллэ отделал.

Военпсихиатру Растов, конечно, немного приуварил.

Да, ему нужно принимать новые танки. Но это будет только завтра утром, 5 августа. А на сегодня его рабочий день уже закончен. И его задача — впустить в свой коттедж новую домработницу, Марию Федоровну, неотлучно сопровождаемую ее прытким универсальным роботом-уборщиком.

Причем не просто «впустить», а дать ей кое-какие указания эстетического и процедурного свойства.

И про цветы, чтобы пошла выбрала самые-самые. И про доставку из магазина особых крымских вин, и чтобы обязательно был итальянский мускатель. И про кейтеринг из ресторана «Салют», пусть все три раза перепроверит и этим рвачам в поварских колпаках перезвонит. И про новое постельное белье, атласное, цвета молочного шоколада, пусть стелит. Это белье когда-то выбрала для Растова мать, но он, ко-

нечно, поленился его даже распаковать, пользовался казенным. Но теперь уж сам бог велел..

Все это страшно важно. Куда важнее докторских аттестаций.

Потому что завтра вечером этот коттедж посетит не кто-нибудь, а Нина Белкина, любимая женщина майора Растова. Все должно быть безукоризненно, уж больно она капризная.

Тем более есть некий вопрос, который пора бы с Ниной обсудить. И даже кольцо куплено..

Ожесточенно хрустя гравием, Растов шел по дорожке быстрым шагом амбициозного молодого командира.

После войны его неприязнь к «зажравшейся Кубинке», с ее подогреваемыми унитазами сиденьями и фигурно стриженными самшитами, чудесным образом поутихла. Может, он просто привык и любил уют. А может, приезды Нины одухотворили этот благополучно-унылый край и сделали его чем-то вроде дальней окраины яркого языческого рая взаимно влюбленных..

Когда инструкции Марии Федоровне были даны, он почувствовал себя необычайно уставшим. «Как будто кросс в полной выкладке пробежал...»

Да, ничто не утомляло Растова сильнее, чем думы насущные о домашнем хозяйстве.

Поэтому когда на горизонте нарисовался начальник разведотдела полкового штаба Коробов и предложил майору сходить в непритязательную пивную «Морской прибой», расположенную прямо за выходом с территории части, Растов обеими

руками ухватился за эту возможность расслабиться. Хотя с Коробовым, похожим на обритого налысо немецкого садового гнома, никогда особенно близок не был.

Не успели они взять по пол-литра «Ячменного колоса», как оказалось, что за соседним столиком выпивают взводные растовской роты: Ченцов, Галушкин и Осокин.

К 19.00 они уже набрались преизрядно. На основании этого Растов заключил, что ужин brave лейтенанты, как и он сам, решили из развлекательной программы вымарать, ограничившись жирными, как ад, кулебяками из русской печи, печеным чесноком и панированным в ржанных сухарях козьим сыром.

Растов чинно ответил на приветствия взводных и воткнулся в свою кружку, ожидая, когда же Коробов, любитель расписывать под хохлому деревянные ложки, включит свою коронную пластинку: «А вот я вчера погляди, чего изобразил».

Однако вместо фотографий ложек, мисок и подносов Растова ожидала другая скучная тема: отпускная.

— Когда отпуск, Костя, не знаешь? — спросил Коробов, задушевно глядя в глаза товарищу.

— Откуда мне знать? Да и вообще, кто из нас разведка? Ты. Вот и разведал бы!

— У этих разведаешь... — вздохнул Коробов, обиженно глядя на потолок, словно именно там засели «эти», то есть начальство. — Понимаешь, мне важны даты...

— Ну, брат... Всем важны.

«Ячменный колос» откололся как-то не совсем по правилам — он был не шибко свежим, да еще и с каким-то сладковатым, неправильным привкусом. Растов некультурно скривился и вернул непроглоченное пиво в бокал. Сделал знак бармену. Мол, что за нафиг?

А вот Коробов не привередничал — он был увлечен наболевшим.

— Костя, объясни хоть ты мне... Почему они нас в отпуск-то не отправляют? Мы же воевали? Воевали. Хорошо воевали? Да просто отлично, как по мне! Замайлись? Страшенно! Мне вон каждую ночь кошмары снятся. До сих пор...

«Ему-то чего снятся? Сидел в штабе, пока я наступление до самой столицы Навзара двигал. И пока мы Стальной Лабиринт защищали — снова же, сидел во все том же штабе... Впрочем, он же из разведотдела... Кто его знает, может, из пленных клонов секреты выколачивал... Такими методами, что теперь кошмары снятся».

Филиппики Коробова тем временем лились неостановимо:

— ...И? И ну? Где результат?! Не для Родины результат — с этим-то понятно. Для меня лично! Почему бы нас отдохнуть не отправить, а рубежи пока пусть кто-то другой покараулит? Некому, что ли? Вон, полные академии желторотых...

— Думаю, тут другое, — лениво сказал Растов. — Оно, конечно, есть кому. Но командование чего-то боится...

— Чего именно?!

— Да мало ли чего! Рецидивов каких-то... Неожиданностей! Если вдруг что, они же нас долго будут из отпусков выковыривать... А молодежь им поначалу такого навоюет, что мама не горюй... Будут потери... Пресса завоюет про некомпетентность и перефинансирование...

Коробов тяжело вздохнул.

Все то, что сказал Растов, он, несомненно, понимал и сам, иначе никогда не дослужился бы до начальника разведотдела. Но так уж устроены люди, что им проще жить, когда очевидность очевидного признают не только они, но и все вокруг.

Взяли еще по пол-литра — «Медового особого». А потом еще по литру. А когда в визоре началась трансляция футбольного матча, Растов, вызывающе равнодушный к футболу, написал Нине исполненное огня и муки сообщение и поплелся домой.

За спиной Ченцов с Осокиным горланили неофициальный гимн бронетанковых войск.

«Пусть враг хитер, мы во сто крат хитре-е-е!»

Утро 5 августа началось для Растова обычным порядком.

Зеленый коктейль из блендера: ботва редиса, молодая валерьяна, шпинат, черника, банан.

Витамины и лекарства — по-разному таблетированные, разноцветные, разновеликие, похожие на ягоды с пластиковых ягодных кустов.

Пробежка по Каштановой аллее и назад, в общей сложности десять километров. Пробежка вышла вялой и какой-то сердитой, «на характере» (ведь все-та-